

УДК 101.1; 165.24

НЕОБХОДИМАЯ ПОЭТИЧНОСТЬ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО ТВОРЧЕСТВА В ФИЛОСОФСКОЙ ГЕРМЕНЕВТИКЕ Х.-Г. ГАДАМЕРА

© 2015 М.В.Морозова

Самарская государственная областная академия (Наяновой)

Статья поступила в редакцию 31.10.2014

Данная статья посвящена проблеме идентификации философского знания в рамках воззрений Х.-Г.Гадамера и тому, главным образом, что философский тип высказывания сближен с поэтическим на основании некоторых общих для них и перечисляемых в статье признаков. Сближение с поэзией в частности и в принципе с произведением искусства позволяет отчётливо отграничить философию от науки и выявить её важность в контексте повседневной практики для каждого человека. Важным моментом является то, что в поэзии – (как при её творении, так и восприятии, что в любом случае суть интерпретация), – человек способен вслушиваться в язык, творчески осмыслять его закономерности, т.е. – обстоятельства собственного бытия, так как человеческий опыт мира носит принципиально языковой характер. Такая активность способствует актуализации чувств и размышлений, что в философском плане развивает способность критического мышления.

Ключевые слова: философская герменевтика, понимание, культурная традиция, язык, искусство, игра, истинность, поэзия, причастность, критическая сообразительность, практическое знание («phronesis»), повседневность.

В данном исследовании речь пойдёт об особенностях философского знания в связи с его сближением с поэтическим. Для основательного раскрытия темы вначале потребуются прояснение некоторых общих концептуальных моментов философской герменевтики. Причём, по ходу раскрытия тематических особенностей гадамеровской философии предполагается делать замечания, указывающие, собственно, на реализацию выдвигаемых идей относительно сущности философского знания и рекомендаций по поводу современного его воплощения в собственном проекте мыслителя.

Философская герменевтика Х.-Г.Гадамера представляет собой отнюдь не строго сконструированный свод положений. Даже в основной теоретической работе мыслителя, «Истине и методе» нельзя чётко выделить систему, но скорее – композицию. Видный исследователь философской герменевтики В.С.Малахов говорил о том, что «философствование Гадамера принципиально несистематично и, если угодно, асистематично. Важнейшей чертой философской герменевтики является не построение всеобъемлющей теоретической схемы, а изображение универ-

сальности человеческого отношения к миру («опыта мира»)»¹.

Человеческое отношение к миру, согласно Гадамеру, универсально в том смысле, что между любыми людьми в каких бы то ни было обстоятельствах, существует возможность взаимопонимания. Такая установка связана с тем, что язык, постулируемый в качестве опыта мира², по

¹ Малахов, В.С. К характеристике герменевтики как способа философствования / В.С.Малахов // Филос. и социол. мысль. – Киев: 1991. – № 6. – С. 65 – 76; 69.

² В ходе полемики с Ж.Деррида Гадамер так проясняет универсализацию языкового характера человеческого понимающего опыта мира: имеется ввиду как раз то обстоятельство, что нечто никогда не может быть понято совершенно. Когда человеку что-то удаётся сказать, выразить, на границе этого выражения остаётся неизбежно то, что пока вербализовать не удалось, а по сути – то, что превышает всё, поддающееся выражению. Эта невыразимость на границе языка представляет собой измерение истолкования, в нём себя показывает само бытие. Понимание любого феномена непосредственно или же опосредованно сопряжено именно с герменевтическим усилием (в широком смысле). То есть изначально языковую понятность мира составляет не тот факт, что не существует невербальных феноменов переживания, но то, что всякое осмысление мира порождает напряжение герменевтического усилия на границе языка с чувственным (Гадамер Х.-Г. Текст и интерпретация / Х.-Г. Гадамер //

^o Морозова Марта Владимировна, аспирант философского факультета. E-mail: seraffina7@gmail.com

сути есть общественное явление. Гадамер сравнивает язык с общей для сообщества, на нём разговаривающего, сеткой (Sprachgitter), заимствуя это уподобления у поэта Пауля Целана и поясняя, что язык является сетью между людьми, соединяющей их существование (Gitter des Anderesseins). В строгом смысле, не бывает чисто частного языка, так как с малого детства мы входим в язык, перенимая его от других. Язык подобен молнии (Sprachblitz), освещающий этот мир для нас³. Это освещение социально по своей природе⁴, что можно усмотреть ещё при базовом определении языковости (Sprachlichkeit) в качестве раскрытия сущего, опыта мира: «Не только мир является миром лишь постольку, поскольку он получает языковое выражение, — но подлинное бытие языка в том только и состоит, что в нём выражается мир. Таким образом, исконная человечность языка означает вместе с тем исконно языковой характер человеческого бытия-в-мире»⁵; «...Язык обретает своё подлинное бытие лишь в разговоре, то есть при осуществлении взаимопонимания. ...Это жизненный процесс, в котором проживается сама жизнь человеческого общества. ...Человеческую речь следует мыслить как особый и единственный в своём роде про-

цесс постольку, поскольку в процессе языкового взаимопонимания раскрывается «мир». ...Все формы человеческого жизненного сообщества суть формы сообщества языкового, больше того: они образуют язык»⁶.

Потенциальную всеобщую способность к взаимопониманию, несмотря на различие языковых выражений, принадлежности к народам и временам и, в конечном счёте, невзирая на непреодолимую границу другого индивидуума Гадамер прямо квалифицирует как чудо. Предпосылки такой позиции с точки зрения историко-философского влияния можно увидеть как и в адаптации античного учения о логосе⁷, так и в отмечаемой самим философом идейной склонности (касательно философии языка) к христианской мысли средневековой эпохи с её комплексом воззрений относительно воплощения слова Божьего⁸, и в разработке категории Духа в рамках немецкого идеализма, а также романтического течения: будь то описание Гегелем реальности как развёртывания универсального мирового начала или развитие в концепциях Гердера и Гумбольдта представления об универсальной духовной силе как основе множества народных языков. Однако, если взглянуть на современный Гадамеру контекст, не ограничивающийся сферой академических дискуссий, то можно вспомнить о том, что жизнь философа растянулась на целый век, богатый для европейского общества на культурные потрясения, такие как народные революции и мировые войны, и стремительные перемены в обществе, одним из доминантных процессов которых являлось развитие межкультурного взаимодействия, осознание наличия иных по отношению к советской мировоззренческих форм на глобальном уровне. При таких обстоятельствах закономерным кажется ориентировка разрабатываемых концептуальных по-

Герменевтика и деконструкция. – СПб.: Б.С.К., 1991. – С. 202 – 242 [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://anthropology.ru/ru/texts/gadamer/txtint_1.html). ИмPLICITно такая подача проблемы присутствует ещё в «Истине и методе», напр.: «...во всяком языке присутствует непосредственная связь с бесконечностью сущего» (Гадамер, Г.-Г. Истина и метод / Г.-Г.Гадамер; пер. с нем.; общ. ред. и вступ. ст. Б.Н.Бессонова. – М.: Прогресс, 1988. – С. 524).

³ Gadamer, H.-G. Leben ist Einkehr in eine Sprache: Gedanken über Sprache und Literatur / H.-G.Gadamer // Universitas. – Stuttgart, 1993. – Jg. 48, N. 10. – S. 922 – 926; 925 – 926.

⁴В своей диссертации А.И.Патлач именно в утверждении социальной природы языковости видит своеобразие гадамеровской концепции языка в отличие от хайдеггерской: «Если для Хайдеггера прообразом языка является речь оракула, то концепция Гадамера ориентирована на диалог и соглашение как модель деятельности языка. Философия Гадамера в принципе имеет социальный уклон в истолковании своих положений, который усиливается в более поздних сочинениях по сравнению с ранней позицией». Имеет значение, что Гадамер подчёркивает этимологическую параллель между понятиями "понимание" (Verstehen) и "соглашение" (Verständigung). (Патлач А.И. Философия языка Г.-Г. Гадамера: автореф. дис. канд. философ. наук. 09.00.03. – М., 2011. – С.15 [Электронный ресурс] / Патлач Александр Иванович. – Режим доступа: http://new.philos.msu.ru/uploads/media/Patlach_A.I.pdf)

⁵ Гадамер, Г.-Г. Истина и метод – С.513.

⁶ Гадамер, Г.-Г. Истина и метод. – С.516.

⁷ Постановка проблемы языка в античной философии такова, что высказывание понималось как артикуляция логоса, то есть утверждалось, что в языке происходит выражение построения сущего, и само сущее присутствует таким образом при высказывании в настоящем. Мышление понималось как момент бытия (Гадамер, Г.-Г. Истина и метод. ... – С. 528)

⁸Можно констатировать: притом, что христианское учение продолжает использовать греческий мыслительный аппарат, последний наполняется принципиально новым содержанием. Феномен языка обладает в средневековых учениях гораздо большей значимостью; это показательно на примере того, что «логос» получает перевод в рамках средневекового направления мысли не только как «ratio», но и собственно как «verbum» (Гадамер, Г.-Г. Истина и метод – С.489).

строений на утверждение возможности плодотворного взаимодействия любых субъектов⁹.

Важной категорией является разговор, реализующий диалогичность человеческой речи. Диалог в качестве модели понимания содержит в себе диалектику вопроса и ответа. При этом учитывается наличие предпонимания, схватывания (Vorgriff) предполагаемого герменевтического феномена в предвосхищении его целостности и осмысленности; на основе предпонимания формируется вопрос и совершается поиск ответа. С другой стороны, вопрошание может быть определено как нечто, на основе чего герменевтический феномен обращается к человеку, а тот вынужден искать ответ. И так как не существует всеобщего отношения человека к миру вне культурно – исторического контекста, ибо само человеческое существование конечно, в основе любого опыта понимания лежит его ситуативное языковое событие. То, что происходит в рамках акта интерпретации, между преданием и тем, кто его трактует, всегда носит характер свершения (Geschehen).

Временный статус события понимания Гадамер обосновывает, вводя в свои концептуальные построения философию искусства. Последнее играет парадигматическую роль для всего человеческого опыта в целом. Эстетический характер опыта предположительно носит генуинный характер, связывая человека и мир ещё до всякой интеллектуальной рефлексии. Что касается временного статуса эстетического переживания, то существование произведения искусства всегда обусловлено его конкретной интерпретацией, хотя нельзя сказать, что искусство всецело зависимо от субъекта, но человек, приступая к интерпретации, вовлекается в сферу искусства. При

этом моделью эстетического опыта является игра, ведь подлинное восприятие игры возможно только с перспективы участия, когда постигается в полной мере игровое напряжение, которое появляется при следовании определённом игровому порядку, набору правил и задач. Но не стоит путать последние с подлинной целью игры, которая состоит в преобразовании опыта играющего субъекта, в «доподлинном углублении внутренней целостности» человека. «Произведению искусства всегда есть что сказать, оно беседует с нашими когнитивными и моральными способностями и приводит их в движение игры. Она (игра) и есть притязание на истинность, которую Гадамер обещал прояснить в собственной теории искусства»¹⁰.

Истинность языковой игры – это очевидность в пределах неё осмысляемого. Не существует жёсткого образца правильности игры – для наглядности, осуществления (воспроизведения, постановки). Жизнь игры – это её актуальная интерпретация. Если связывать концепт игры с языком, то, собственно, можно сказать, что мы каждый раз участвуем в игре, находясь в ситуации разговора.

Одной из важных задач философской герменевтики является обоснование своеобразия гуманитарного знания, и как раз в связи с этим важным становится его укоренение в разговорной среде. Дело в том, что базовым специфицирующим принципом гуманитарной сферы познания представляется её непосредственная значимость для человеческой жизни. Поэтому постигаемая в науках о духе истина вписывается в повседневное человеческое существование по аналогии с постижением произведения искусства, которое всегда обращено к человеку. Непосредственно же философская герменевтика должна истолковывать универсальные аспекты человеческого существования, хотя точнее говоря – она должна всегда через прояснение чего бы то ни было высвечивать жизненную целостность бытия. «Истолкование, как и разговор, есть круг, замыкаемый в диалектике вопроса и ответа. В среде языка осуществляется подлинное исторически-жизненное отношение, которое мы можем поэтому назвать разговором также и в случае истолкования текстов»¹¹.

Понятие текста применимо ко всякому материалу, подлежащему истолкованию, потому что

⁹ Любопытной здесь представляется позиция Гафарова Х.С., согласно которой подчёркивается влияние на философию Гадамера формирования политики мультикультурализма. Важным отличием классической герменевтики девятнадцатого века от философской герменевтики века двадцатого является, по мнению Гафарова, то, что если классическая герменевтика возникает из потребности при интерпретации текстов устранять для понимания разрывы в рамках единой европейской традиции, то философская герменевтика появилась в ситуации потребности осмысления разнообразия культур. То есть в ней реализуется запрос на осмысление западного мира как специфического на ряду с другими культурными традициями. (Гафаров, Х.С. Философская герменевтика Г.-Г.Гадамера: Становление и развитие: дис. канд. философ. наук. 09.00.03. – СПб.: 2003. – С.21 [Электронный ресурс] // Хасан Сабирович Гафаров.– Режим доступа: <http://cheloveknauka.com/filosofskaya-germenevtika-g-g-gadamera-stanovlenie-i-razvitiie>)

¹⁰ Гронден Ж. Эстетика Х.-Г. Гадамера. Преодоление эстетического сознания и герменевтическая истина искусства / Ж. Гронден // Социология. – 2010. – N 4. – С. 19 – 30; 22.

¹¹ Гадамер, Г.-Г. Истина и метод. – С.453.

чение рассматривается Гадамером не только как одно из звеньев в цепи коммуникации между субъектами, но как форма самосознания (модель вопрос-ответ), первично артикулирующая мир. Расширение категории чтения позволяет выдвинуть текст в качестве глобального понятия, обозначающего какой бы то ни было феномен в человеческой жизни.

Не лишним будет заметить, что для Гадамера расширение собственной концепции с помощью принципа добавления понятий вследствие проведения метафорической аналогии является типичным, что неудивительно, так как «метафорическое употребление всегда обладает методическим преимуществом. Если слово переносится в область применения, к которой оно изначально не принадлежит, то собственно «первоначальное» его значение предстаёт снятым, и язык предлагает нам абстракцию, которая сама по себе подлежит понятийному анализу. Мышлению остаётся только произвести оценку»¹².

Обращение Гадамера в собственных исследованиях к метафорическим аналогиям вероятно связано также с разработкой темы мимесиса в качестве основополагающего принципа искусства. С опорой на поэтику Аристотеля и в полемике с кантовской теорией эстетической способности суждения закрепляется значимость переживания искусства для человека не только в смысле практически незаинтересованного созерцательного удовольствия, но также в познавательном плане. «Всякое узнавание есть опыт нашего возрастающего осваивания в мире, а все виды нашего опыта в мире суть в конечном счете формы, в которых мы осваиваемся в нем. Искусство, какого бы рода оно ни было — аристотелевское учение здесь, похоже, совершенно безупречно, — есть род узнавания, когда вместе с узнаванием

¹² Гадамер, Г.-Г. Истина и метод. – С.149; Выделение в метафоре благодаря принципу абстракции важнейших характеристик явления в качестве исследовательского принципа в философской герменевтике подчёркивает Борисов Е.В. на примере пояснения медиальной сути игры. Ведь в качестве одного из главных аргументов несубъективного характера игры Гадамером приводится сложившееся в языке словупотребление. Так, мы говорим об игре света и тени, об игре морских волн и т.д. И при этом нельзя сказать, что игра природного явления осуществляется субъектом. Борисов обращает внимание на то, что фактически Гадамер предлагает понимать суть медиальности по аналогии с медиальным залогом глагола (аналог в русском – безличная форма глаголов), то есть осуществляется также перенос правил лингвистики на онтологическую проблематику. (Борисов Е.В. Основные черты постметафизической онтологии / Е.В.Борисов. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2009. – 120 с; С.71 – 72).

углубляется наше самопознание и доверительность наших отношений с миром»¹³.

Признание за искусством познавательного значения, а также оперирование метафорой в качестве принципа развития собственной концепции, подталкивают к изучению точки зрения Гадамера касательно соотношения философского и литературного творчества. Однако, далее мы будем говорить именно о поэтическом типе высказывания, поскольку вся художественная литература полагается в качестве сферы реализации поэтической направленности языка.

Не одно замечание уже было сделано касательно нестроного в научном плане оперирования понятиями в философской герменевтике. К примеру, Ж.Гронден считает, что Гадамер намеренно не уточняет до конца основные понятия своей концепции. Именно потому, что для них невозможно исчерпывающее описание и открытость – их сущностная черта. «When presenting his own ideas or analyzing concepts, Hans-Georg Gadamer likes to follow the lead of language. The fact that the basic notions he is unfolding often have many very different meanings does not bother him. Quite on the contrary, he sees in this plurality of meaning an indication that language, long before thinking, is perhaps up to something essential»¹⁴.

Данный принцип является непосредственной реализацией содержательно прописанной установки в отношении работы с понятиями¹⁵. Дело в том, что в понятийной системе философского знания становится возможным отображение вопросов, предметом которых является некая целостность, совокупность принципов общемировоззренческого характера, задающая направления, характер и пределы исследовательского вопрошания. Однако, такая возможность актуализируется именно потому, что базовые и наиболее общие понятия системы – например «бытие» – представляют собой скорее индикаторы направления мысли, а не конечные дефиниции. Поэтому нельзя сказать, что функция подобных понятий заключается в указании на какое-то фиксированное или мимолётно практическое значение. Семантическая структура философского понятия не исчерпывается классической парой оз-

¹³ Гадамер, Г.-Г. Искусство и подражание // Гадамер. Актуальность прекрасного. – М.: Искусство, 1991. – С.228 – 242; 237.

¹⁴ Grondin, J. Gadamer's Basic Understanding of Understanding / J.Grondin // The Cambridge Companion to Gadamer. – Cambridge: Cambridge University Press, 2002. – P. 36 – 51; 36.

¹⁵ См. напр.: Гадамер, Г.-Г. История понятий как философия // Гадамер. Актуальность прекрасного. – С.26 – 43.

начающего и означаемого, создающей конструктивный для передачи информации знак. Структура высказывания – вопроса и ответа, – предлагаемая философской герменевтикой, шире, чем ясно осознанное конструирование знака.

Подобная структура всегда включает в себя мотивированность высказанного. Наследуя и трансформируя принцип герменевтического круга в своей философии, Гадамер применяет его и в случае определения истины в языке как подразумевания целого в частной ситуации разговора. Дело в том, что всякая беседа в качестве акта ситуативна и конечна, но в ней всегда подразумевается наличие контекстуально всей человеческой жизни. «Wo ein Wort erklingt, ist eine ganze Sprache aufgerufen und alles, was sie zu sagen vermag – und sie weiß alles zu sagen». («Там, где звучит слово, призывается весь язык в целом и всё, что на нем может быть сказано, – и оно может сказать всё») ¹⁶. И поэтому в философии, «познавая-раскрывающее существо языка, уже нельзя довольствоваться пределами, полагаемыми логикой высказываний, необходим более широкий горизонт.... слово есть нечто большее, чем глухой коридор между нами и миром. В таком слове мы дома. Оно – ручательство и обеспечение того, о чем оно говорит. С особой очевидностью свидетельствует об этом язык поэзии» ¹⁷.

В философской герменевтике поэзия не просто превозносится в качестве вида искусства; поэтический способ высказывания сближен с философским, и у этого несколько причин. Именно поэзия является показательным примером явления истинности как целого, апелляции к целостности жизненного переживания. Так, человеческий опыт в своей целостности не может быть определён и выявлен научными методами, поскольку всегда обнаруживает себя во взаимопонимании, человеческой коммуникации (разговоре), которая далеко не всегда подчинена принципам логически достоверного высказывания ¹⁸. Кроме того, целостный опыт мира не мо-

жет стать объектом исследования, потому что человек не в состоянии выйти за пределы собственного миропонимания, т.е. языка.

Как уже было отмечено, поэтичность для Гадамера является общей чертой художественной словесности. Последняя, в свою очередь, запечатлеваясь на письме, реализует в себе одну из важнейших интенций языка, идеальность. Несмотря на естественную первичность речи по отношению к письму, возможность стать письменной раскрывает сущностную черту беседы, её интенцию к абстрагированию идеальности смысла. «В письменности язык обретает свою подлинную духовность, поскольку перед лицом письменного предания понимающее сознание достигает полной суверенности» ¹⁹. Письменный вариант предания – это его завершение (событие) в качестве значимого герменевтического феномена, потому что способ существования письменных источников легитимируется возможностью их истолкования. Поэтому специфика временности текста – это показатель эстетический феномен, бытийствующий в постоянном (интерпретирующем) обращении к нему ²⁰.

ния. «Закон как установление постоянно требует интерпретации для своего практического применения, а это означает, что в каждое практическое применение также входит интерпретация. ...На юридическом примере проявляется с достаточной ясностью, как сильно любое создание текста привязано к интерпретации, и, таким образом, к правильному и осмысленному применению» Гадамер, Х.-Г. Текст и интерпретация. ... [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://anthropology.ru/ru/texts/gadamer/txtint_1.html). Отсюда показательней также представляется (реализуемое Гадамером в собственном проекте) различие гуманитарных и естественных наук в том смысле, что в гуманитарном знании важны не методические доказательства, но навык убедительного истолкования чего-либо. Решающим фактором убедительности является связанность, вписанность отдельного рассматриваемого случая в целостность универсума, в котором случай имеет место. Также играет роль то, насколько целое смогло проявиться, наметиться в своей полноте в отдельном случае.

¹⁹ Гадамер, Г.-Г. Истина и метод. – С.455.

²⁰ Мирко Вишке замечает, что существующий подобным образом «текст отличается как раз тем, что содержащееся в нем переплетение смысловых связей не исчерпывается отношениями между значениями слов и системой того языка, на котором он написан. Посредством отношений значений, не включенных в общую «телеологию смысла», литературный текст обретает полноту, благодаря которой он становится открытым для новых истолкований и потому кажется, что сам текст в подлинном смысле провоцирует различные интерпретации». (Вишке, М. Конечность понимания. Произведение искусства и его опыт в интер-

¹⁶ Gadamer, H.-G. Von der Wahrheit des Wortes / H.-G. Gadamer // Gesammelte Werke. Tübingen, 1993c. Bd. 8 : Aesthetik und Poetik. 1 Kunst als Aussage. – P. 54.

¹⁷ Гадамер, Г.-Г. Язык и понимание // Гадамер. Актуальность прекрасного. – С. 43 – 60; 60.

¹⁸ Будет полезно здесь вспомнить о том, что парадигмальной моделью герменевтической практики может выступать интерпретация не только художественных текстов, но также теологических и юридических. С обращением внимания на последнюю параллель (юридическая практика) понятней становится постулируемое Гадамером применение, аппликация проинтерпретированного в качестве обязательного и закономерного компонента для свершения акта понима-

Так, для своего существования поэзия должна обрести причастность к субъекту, вовлечь его в свою аутентичную сферу, трансформировать его опыт. Поэтическая словесность являет собой не просто указание на что-либо подобно научному термину (знаку) с фиксированным значением, но обладает ценностью сама по себе, она суть то, чем она сама по себе представляется. Так же и философские произведения, как уже было отмечено, не просто являются отсылкой к сопутствующей информации. Как поэзия, так и философствование представляются чем-то сами по себе, они репрезентативны. Они всегда имеют ценность в целостности своей формы и содержания, и поэтому философскому феномену для своего бытийствования тоже важна причастность понимающего субъекта непосредственно к конкретному выражению, случаю языка.

Философский и поэтический способы речи роднит и то, что они не могут быть ложными (в научном смысле этого слова). К ним неприменимы посторонние критерии оценки правильного функционирования. При этом, чтобы быть собой, и философия и поэзия должны соответствовать определённым собственным критериям. Философские размышления, в частности, не должны впадать в пустую софистику, состоять лишь из пустых содержательно формул. Поэтический текст, используя особые приёмы конструирования словесности, должен подлинно звучать, образовывать особого рода идеальность, доступную для восприятия эстетическую и смысловую целостность, а не быть просто нагромождением слов²¹.

Разумеется, поэтический и философский способы репрезентации целого разнятся. В поэзии для трансляции смысла применяется арсенал звучности, используются не только общие риторические приёмы, но также грамматические и фонетические. В философствовании же для конструирования идеальности смысла используется спекулятивный аспект языка, идёт работа с понятиями. Но, в случае высказываний обоих видов, важна предоставляемая человеку возможность вслушаться в язык.

Дело в том, что в основе поэтической (dichterischen) речи лежит способность поэта продемонстрировать отражённые в языке устоявшиеся стереотипы обыденного опыта, трансформировать их, порою даже создавать новые формы. Это связано с тем, что поэт – это «Bittsteller bei der

Sprache»²², проситель языка. Он воспринимает сказанное или прочитанное не просто как поток информации, но прислушивается к самому языку, в котором было произведено высказывание. Поэтому, художественный опыт литературы, актуализируя языковое пространство, способен продемонстрировать людям действительную подоплёку того, что они говорят и воспринимают. Приближенная в полномочиях к поэзии философия должна также использовать свою способность предъявлять подоплёку языковых – то есть опыта мира – реалий.

В своём эссе «Leben ist Einkehr in eine Sprache» Гадамер размышляет о том, что язык подобен нашей родине, и расставание с последней – это всегда духовное изгнание. Современная Гадамеру культурная ситуация, по мнению философа, страдает от разрыва с предыдущей традицией: как от её отрицания, так и от того, что многое – понятия, стереотипы – продолжает использоваться без осознания истока своей нужности. Можно упомянуть снова также и о становлении философской герменевтики на фоне развития мультикультурализма²³. И всё это – наследие, противоречия, стремления современности – запечатлено в языке, но чаще всего некритически перенимается людьми именно из-за того, что осознаётся только на уровне информационных данных. Такое забвение используемого нами языка можно уподобить изгнанию с родной земли, ведь в глобальном плане наша Родина – это сам язык, который, в свою очередь, суть среда разговора, взаимопонимания.

Актуальной задачей философствования становится тогда возродить в субъекте чувство причастности к языку, (ведь последний в философской герменевтике является центром исследования, сути дела).

В завершении данного небольшого исследования стоит отметить желаемую близость философии с практическим знанием (аристотелевский концепт «phronesis», «Praktisches Wissen»). Исследователи философской герменевтики часто подчёркивали воплощение данного уклона в

претации Х.-Г.Гадамера / Вишке М. – Вильнюс: ЕГУ, 2001. – С. 55 – 67; 59).

²¹Гадамер, Г.-Г. Философия и поэзия // Гадамер. Актуальность прекрасного. – С.116 – 125; 125.

²²Gadamer, H.-G. Leben ist Einkehr in eine Sprache: Gedanken über Sprache und Literatur. ... – S. 924.

²³ Впрочем, для иллюстрации проблемы сосуществования культурных "другостей" Гадамер не нуждается в обращении к опыту экзотических для европейца цивилизаций. Зачастую в его сочинениях упоминается ситуация разделения Германии на западную и восточную и то, что это повлекло автономное по отношению друг к другу изменение опыта мира, выражаемого в языке, и что это породило проблему при взаимопонимании. (См. напр.: Гадамер. Г.-Г. Язык и понимание. ... – С. 50 – 51).

творчестве Гадамера. В своей статье В.С.Малахов замечает, что сам Гадамер не раз изъяснял недовольство по поводу того, что его герменевтический проект исследовали как методологию или теорию познания. Ведь опираясь на рефреном звучащую в возражениях Гадамера самохарактеристику его творчества, можно попытаться его понять как особую мыслительную практику, иначе – способ философствования²⁴.

В начале одного из своих интервью Гадамер называет себя герменевтом, однако настаивает на том, что это не философская позиция, но скорее вид опыта (way of experience), отличительной чертой которого является открытость к взаимодействию в диалоге, (open in a conversation)²⁵. Причиной желательного практического оттенка философствования является убеждение Гадамера в том, что... «Well, the philosophical text must be an instrument for us – like all other works of art too. ...there is a very popular prejudice, that philosophy is just a speciality of philosophers. But that is erroneous. It is a speciality for all human beings»²⁶.

Итак, в данной статье была намечена проблема того, почему философствование, сближенное с поэзией, может оказаться жизненно полезным. Это связано с тем, что в основе поэтической речи лежит способность поэта демонстрировать отражённые в языке устоявшиеся стереотипы быденного опыта и трансформировать их. Ведь поэт пользуется языковостью не только в качестве

посредника для передачи информации, но вслушивается в сам язык. Именно художественный опыт литературы, таким образом, актуализируя языковое пространство как подлинную природу высказывания, способен показывать людям действительную подоплёку того, что они говорят и воспринимают.

Так и философия, чья познавательная специфика в качестве случая языка состоит в развитии понятийных построений и идейных концепций, должна способствовать в интеллектуальном плане выявлению действительной подоплёки нашего языкового опыта мира, а кроме того, развивать критическую способность мышления, способствовать созданию творческого пространства, в котором возможно расширять горизонты своего привычного восприятия. Важной является ориентировка философии на поэтическую модель раскрытия истинности как жизненной целостности, интерпретационная причастность к которой способна преобразовывать опыт общающегося к ней человека.

²⁴Малахов, В.С. К характеристике герменевтики как способа философствования. ... – С. 65 – 66.

²⁵Gadamer, H.-G. Without poets there is no philosophy / H.-G.Gadamer // Radical philosophy. – L., 1995. – N 69. – P. 27 – 35.

²⁶Gadamer, H.-G. Without poets there is no philosophy... – P. 29.

THE REQUIRED POETRY OF INTELLECTUAL CREATIVITY IN GADAMER'S PHILOSOPHICAL HERMENEUTICS

© 2015 M.V.Morozova^o

Samara State Regional Academy (Nayanova)

This article explores such a problem as identification of philosophical knowledge. It is proposed to turn to Gadamer's project of philosophical hermeneutics, within the framework of which there's a convergence between poetry and philosophy on the grounds of some of their common features itemized in the paper. Convergence of philosophy with poetry in particular and with a work of art in principle allows to clearly distinguish philosophy from science and also reveal its importance in the context of daily practice for each person. The important point is that in poetry – both at the time of its creation and perception, that is in any case interpretation – the person is able to listen to the language, comprehending creatively its patterns, i.e. the circumstances of his own being, because human experience of the world is fundamentally linguistic. Such a practice contributes to actualization of feelings and thoughts, which in terms of philosophy promotes the development of critical thinking ability.

Key words: philosophical hermeneutics, understanding, cultural tradition, language, art, game, truth, poetry, participation, critical intelligence, practical knowledge («phronesis»), everyday life.

^o Marta Vladimirovna Morozova, Postgraduate of Faculty of philosophy. E-mail: seraffina7@gmail.com